

гает, строя на мотивах реально-исторических два своих «плача» над телом убитого князя.

Подобные реалистические эпизоды встречаются по преимуществу в тех частях летописи, где точное описание событий соединяется с выражением авторской оценки их, т. е. в собственно литературных разделах повествования. Включение в текст этих эпизодов не препятствуют ни общая точка зрения летописцев — осмысление всех событий исторической жизни вмешательством божества, которое посылает несчастья и допускает «козни дьявола» в наказание за грехи, а награждает за добродетель, ни проникновение «в прозу» достоверного изображения жизни «поэзии» идеального ее преобразования.

Чем ярче выражена «лирическая стихия» исторического повествования, тем заметнее автор стремится передать свое отношение к изображаемому не только прямыми высказываниями своих оценок, но и самым способом изложения. Он подсказывает эти оценки и лексикой и таким наглядным изображением, которое само направляло бы к ним читателя, дополняет «виденное и слышанное» о данных фактах правдоподобным художественным вымыслом, восполняющим недостающие звенья рассказа, — и в этом сказываются реалистические тенденции писателя. Но тот же автор может дополнить свое изложение и элементами «поэзии», уводящей его в сторону от достоверности к идеалу, норме.

Нельзя отрицать, что вместе со всеми частями летописи, проникнутыми «лирической стихией», эти реалистические эпизоды имели не только познавательную, но и эстетическую ценность. Они, так же как и «поэзия», «открывали древнерусской литературе выход на широкие просторы искусства» (стр. 81), в них также накапливался опыт точного и вместе с тем художественного изображения действительности — событий и людей.

Житийный жанр по самой своей сущности, казалось бы, закрывал путь для проявления в нем реалистических тенденций: основная его задача — представить идеал христианского поведения, и потому метод «идеального преобразования жизни» определяет здесь построение всего повествования. Однако уже в «классическом» образце житийной литературы XII в. — житии Феодосия Печерского²¹ рядом с идеализированным образом подвижника, как бы подчеркивая его отрешенность от земных радостей, стоит портрет его матери, властно стремящейся всеми средствами, до насилия включительно, вернуть сына к «благам мира сего». Автору жития было, конечно, известно о том сопротивлении, какое встретил Феодосий в семье, когда начал жить уже с 13 лет по заветам христианства, «на труды подвижнее бывати» вместе с «рабами»; слышал он и о том, что Феодосий вынужден был тайно бежать из дому в монастырь. Однако в целом образ матери Феодосия умело воссоздан при участии художественного вымысла, который помог нарисовать яркий образ властной мужеподобной вдовы, борющейся с сыном. Этот образ находится в явном противоречии с традиционным типом матери святого, сложившимся в агиографии. Нестор начал изображать родителей Феодосия именно в духе традиции: «беста родителе святого в вере христианской живуца и всякым благочестием украшена» (стр. 22). Но затем он отходит от этой традиции, и на первый план в его рассказе выступает эгоизм материнской любви: этой любовью мать оправдывает жестокость, с какой она стремится навязать сыну свое отношение к жизни.

²¹ Дмитро Абрамович. Києво-Печерський патерик. Пам'ятки мови та письменства давньої України, т. VI. Київ, 1931 (В дальнейшем в скобках указываются страницы этого издания).

235283

